

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

P70

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Theresa Romain

FORTUNE FAVORS THE WICKED

Перевод с английского *Е. Кирилловой*

Компьютерный дизайн *Г. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Ромейн, Тереза.

P70 Фортуна благоволит грешным : [роман] / Тереза Ромейн ; [перевод с английского Е. Кирилловой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-112397-0

Что может быть общего у двух столь разных людей, как мужественный и благородный лейтенант военно-морского флота в отставке Бенедикт Фрост и роскошная куртизанка Шарлотта Перри? Оба они отчаянно нуждаются в деньгах, нуждаются настолько, что не задумываясь отправляются по следу преступников, укравших у казны огромную сумму золотом.

Поначалу Бенедикт и Шарлотта были лишь вынужденными союзниками, готовыми поставить на кон собственную жизнь, чтобы добиться желаемого. Но постепенно их союзничество переросло в дружбу и взаимную преданность, а дружба незаметно стала сменяться куда более нежным чувством...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Theresa St. Romain, 2016
ISBN 978-5-17-112397-0 © Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

Нигде на всем свете, от словенских земель до южных морей, воздух не пахнет так, как лондонский (когда только возвращаешься после долгого отсутствия и делаешь первый вдох). Здесь, в лондонских доках, воздух был едким от угольного дыма и тяжелым от запаха протухшей рыбы из вчерашнего улова.

Когда-то, когда Бенедикт Фрост был еще двенадцатилетним мальчишкой и новичком в Королевском флоте, этот запах казался ему запахом свободы, запахом освобождения из ограниченного пространства корабля. Но теперь, будучи взрослым мужчиной двадцати девяти лет, он бы предпочел, чтобы эти запахи его не встречали, а провожали в плавание — и чем длиннее плавание, тем лучше. Если корабль был маленькой клеткой, то Англия — тоже клеткой, только большей.

Бенедикт решительным шагом сошел на берег с борта «Ардженты». К счастью, ему не придется оставаться в Англии дольше нескольких дней — еще до конца недели «Арджента» покинет порт, и он снова окажется в своей привычной среде. А до этого предстояло сделать только одно — доставить свою рукопись Джорджу Питману и договориться об оплате. Драгоценные страницы,

исписанные от руки, оттягивали его наплечную сумку, в правой же руке он держал трость орехового дерева, металлический наконечник которой гулко стучал по доскам корабельного трапа.

— Эй, Фрост!

Он сделал еще шаг — и остановился.

— Эй, Фрост! — раздался тот же голос, и голос этот, осипший от морских ветров, безошибочно выдавал моряка.

Бенедикт не узнал этот голос, но, придав лицу добродушное выражение, все же отозвался:

— Сам ты «эй». Как дела сегодня?

— Подумываю об охоте за сокровищем. А ты? Собираешься гоняться за королевской наградой?

«Что-о-о?!» — мысленно воскликнул Бенедикт. Стараясь скрыть растерянность под бесшабашной усмешкой, он ответил:

— Только не в этот раз. Зачем человеку гоняться за чужими сокровищами, если он создает свое? — В ответ послышалось хихиканье, но Бенедикт не обратил на него внимания и добавил: — А тебе желаю удачи.

Взмахнув тростью таким манером, что это можно было истолковать и как приветствие, и как «пошел к черту», он продолжил путь.

Но в доках что-то было не так — впрочем, как всегда. Хм... почему не слышно обычного гвалта и ругани? И куда подевались моряки, торгующиеся со шлюхами с их грубыми голосами. И где же возгласы и ругательства, которыми обычно сопровождается разгрузка судна? Вместо всего этого слышались приглушенные разговоры людей, сгрудившихся вокруг разносчиков газет; и все с шелестом передавали их друг другу.

Проходя мимо одной из таких групп, Бенедикт услышал, как кто-то пробормотал:

— Пишут, что это — ограбление века...

— Да, верно, — согласился кто-то. — Это ж какие надо иметь железные яйца, чтобы обворовать Королевский монетный двор.

«Скорее, золотые», — подумал Бенедикт. С тех пор как началась война с Францией, Англию прямо-таки завалило золотом, его стало столько, что недавно пришлось пересмотреть всю систему денежного обращения. Но кредиторы все равно неохотно брали бумажные деньги и серебро. И Бенедикт их не винил. Его и самого не интересовали бумажные деньги.

И потому, шагая на запад от доков Уэппинга, он стал прислушиваться к разговорам чуть внимательнее. По мере того как он шел по твердой земле, его походка моряка, привычного к качающейся палубе, становилась все более ровной.

И, шагая, он то и дело озирался, словно проверяя, насколько хорошо помнил Лондон. С каждой улицей город становился чуть-чуть другим, но звуки оставались все теми же самыми: повсюду — шелест газет и та же странная фраза, повторявшаяся словно эхо («кража века!»).

Однако же... Поскольку шел всего лишь 1817 год, такое заявление казалось несколько преждевременным. Шагая все дальше, Бенедикт накапливал подобную информацию, и в конце концов он вынужден был признать, что преступление, по-видимому, и впрямь было столь же дерзким, сколь и скандальным. Шесть сундуков с новенькими золотыми соверенами были украдены еще до того, как монеты пустили в оборот, — и при этом

были застрелены четверо охранников. Украденное же оценивали в пятьдесят тысяч фунтов.

И это — все! Вот уже несколько недель не было ни единой зацепки относительно того, кто это сделал, и ни одна из украденных монет не была потрачена. Королевский монетный двор только что назначил за возвращение украденных денег крупное вознаграждение.

Так вот оно что!.. Это и есть та самая королевская награда, о которой говорили моряки? Видать, скоро Англия превратится в страну каперов, во имя Короны охотящихся за монетами.

Бенедикт задумался: а не присоединиться ли к ним? Ему ведь доводилось подниматься на холодный пик Монблана. И уж конечно, он в состоянии провести несколько мягких майских деньков на своей родной земле, разыскивая спрятанные деньги. А награда, назначенная Королевским монетным двором, позволила бы ему увеличить приданое его сестры Джорджетты с жалкого до солидного. Заманчивая перспектива. Очень заманчивая! Сама мысль об охоте за наградой облегчила ноющую боль от пребывания в сердце Лондона. А что, это может быть... как будто он вовсе не в Англии.

Но его рукопись принесла бы ему такое же вознаграждение. И при этом он по-прежнему смог бы отплыть на «Арджете». Как он и сказал тому моряку, он сам создал свое собственное сокровище. И теперь пришло время его получить.

И Бенедикт зашагал дальше, еще решительнее застучав тростью по тротуару. Он шел в направлении Патерностер-роу, где располагалась контора Джорджа Питмана, издателя.

Две недели спустя

— На нем была накидка с капюшоном, который скрывал лицо, — говорила служанка кучке жадно внимающих слушателей. — Но я заглянула под капюшон и увидела его глаза. О, глаза у него были как у демона — красные и горящие, как огонь!

Шарлотта невольно закатила глаза, в которых не было ничего демонического; цветом они напоминали скорее листву, чем пламя. Скрыв лицо под густой вуалью, она сидела в общем зале постоялого двора «Свинья и плед», полного охотников за вознаграждением, и снова и снова слушала рассказ Нэнси Гофф. С каждым новым пересказом рассказ девушки слегка менялся, обрастая все новыми и новыми подробностями, так что в конце концов стало ясно: не так-то легко будет отыскать правду в этом клубке «подробностей». И все же Шарлотта уже второй нескончаемо долгий день сидела в одиночестве в углу общего зала небольшого постоялого двора в Дербишире. «Свинья и плед» был заведением самым заурядным во всех отношениях — во всех, кроме одного: неделю назад в этой самой гостинице посетитель расплатился с Нэнси золотым совереном. Поскольку же золотых соверенов пока еще не было ни у кого, кроме Королевского монетного двора, а воры, укравшие шесть сундуков не выпущенных в обращение монет... и так далее.

Это была первая, причем — весьма прочная ниточка, связанная со знаменитой кражей, и Шарлотта последовала за ней. Так же поступила, казалось, и добрая половина Англии. Шарлотта приехала сюда из убогой комнаты, которую недавно сняла в Севен-Дайалсе.

Впрочем, среди тамошних воров и головорезов она находилась в гораздо большей безопасности, чем в своем роскошном доме или же на улицах Мэйфера*. В Дербишире ей тоже угрожала опасность, но другого рода, поэтому она и скрыла лицо под вуалью. И поэтому сидела в одиночестве.

— Так я и знала... Похоже, думаю, с ним что-то неладно, — проворковала Нэнси, хорошенькая молодая женщина лет двадцати. Отбрасывая с плеча темные кудри, которые она сегодня, вопреки обыкновению, не покрыла чепцом, Нэнси лебедем плыла по залу постоялого двора, раздавая жаждавшим напитки и собирая монеты. — У него был такой вид... Ах, я так испугалась, что вся задрожала, аж до пальцев на ногах. Еле смогла донести до его стола эль, не расплескав.

Девушка проговорила это с необычайным восторгом, и Шарлотта невольно улыбнулась. Когда-то, десять лет назад, она была такой же восторженной. Но стала бы она пересказывать эту историю десять раз, каждый раз приукрашивая новыми деталями? Нет, она бы пересказала ее одиннадцать раз! Двенадцать! Рассказывала бы столько, сколько бы ее слушали! И, наверное, она очень походила бы на эту Нэнси. Ох, ведь даже сейчас ей ужасно хотелось присоединиться к ней! Даже сейчас ей было невмоготу сидеть в одиночестве. И было тоскливо прятать лицо под вуалью, упуская возможность следить, как менялось выражение лиц многочисленных слушателей.

Послушать драматическое повествование Нэнси и выпить эля собралось множество народа, однако ме-

* М э й ф е р — фешенебельный район Лондона. (Примеч. пер.)

сто за столом, где сидела Шарлотта, никто не занимал. Возможно, серая вуаль перед ее лицом некоторым образом делала ее почти такой же пугающей, как незнакомец с «демоническими глазами», давший Нэнси золотой. Эта вуаль ужасно раздражала Шарлотту — смотреть сквозь нее было все равно что сквозь завесу дыма. Но за годы известности — нежеланной известности — Шарлотта усвоила: уж лучше терпеть неудобство в виде вуали, нежели быть узнанной.

Качнув внушительным бюстом, Нэнси подобрала со стола оброненную кем-то монету.

— У меня пошли мурашки по всему телу — и не только из-за его глаз, — продолжала девушка. — Ведь еще и этот его плащ... Кто же так кутается весной? Только тот, кому есть что скрывать.

Шарлотта усмехнулась и подумала: «А ведь смышленая девушка».

Тут дверь вдруг распахнулась, и в зале появился новый посетитель. Шарлотте с ее места было видно всех, кто входил, и потому... Ох, что-то необычное было в этом незнакомце. И даже сама его фигура, освещенная ярким солнцем за мгновение до того, как наружная дверь за ним закрылась, тоже казалась необычной. Это был высокий смуглый мужчина в форме моряка. Но сквозь вуаль Шарлотта не могла разглядеть детали, которые подсказали бы ей, в каком он звании. И однако же... Ведь моряку, будь он хоть лейтенантом, хоть адмиралом, совершенно нечего делать в далеком от моря Дербишире. Если только он тоже не охотился за украденными сокровищами...

Должно быть, Нэнси подумала о том же самом, потому что она прервала свой рассказ и с благочестивым

рвением принялась вытирать грязноватой тряпкой ближайший стол. Несколько монет — и она снова войдет в свою роль (словно механизм, который лишь следовало завести).

Стук... Пауза... Стук... Пауза...

Наконец гомон голосов окончательно стих, и теперь все смотрели на нового посетителя, шагавшего по залу. Причем каждый свой шаг он предварял ударом трости об пол — словно подчеркивая значимость своих шагов. И казалось, он говорил: «Я прибыл, черт вас подери, смотрите же в мою сторону!»

Да и кто бы мог на него не посмотреть? Его лицо с выражением решимости было подобно грозовой туче на весеннем небе, и, глядя на него, каждый знал: когда приближается шторм, лучше быть начеку. Но так продолжалось лишь до тех пор, пока он не дошел до середины общего зала и не заговорил (весьма приятным, между прочим, голосом):

— Приветствую всех. Проходя мимо, я услышал шум и гул, и это было так заманчиво, что я просто не мог не зайти. — Он чуть приподнял свои густые брови и добавил: — Вам не стоит отвлекаться из-за меня, я вполне приятный гость, уверяю вас.

Этого заверения оказалось достаточно, чтобы гомон возобновился, сначала — как слабое журчание, а потом — как рокот местного водопада Киндер после сильного ливня.

Как только Нэнси приняла у нового посетителя заказ на эль и продолжила рассказ о мужчине с «демоническим» взглядом, стук трости о дощатый пол стало почти невозможно слышать. Пока этот звук не раздался рядом с Шарлоттой.

— Прошу прощения, можно сесть за ваш столик? — послышался вопрос незнакомца.

И в тот же миг перед Шарлоттой выросла широкоплечая фигура; голос же моряка звучал негромко и вполне учтиво. Но чтобы мужчина сел за столик к одинокой женщине, которой его не представили... Хм... это была такая дерзость. И потому Шарлотта на мгновение смутилась.

— Сюда?.. Со мной?.. — пробормотала она в растерянности. Однако во всем зале это было единственное свободное место, поэтому она кивнула: — Да, конечно, садитесь. — Ведь запретив ему сесть за ее столик, она привлекла бы к себе еще больше внимания. К тому же перочинный нож, скрытый в ее левом рукаве, придавал ей уверенности.

— Спасибо, мадам, вы очень добры. Уверяю вас, я не намерен вас беспокоить. А вы... вы совсем одна за этим столом?

— Как видите, — кивнула Шарлотта.

— Вот и хорошо... — пробормотал моряк. — Вот и хорошо... — Он отодвинул пустовавший стул и сел. Трость же, столь решительным стуком возвестившую о его появлении, он положил на колени. Шарлотта покосилась на него — и тут же отвела глаза. И действительно, с какой ей стати глазеть на мужчин — она и так их уже видела более чем достаточно.

Тут Нэнси проворно подошла к их столику и, поставив на стол кружку, назвала такую цену, что и Шарлотта, и моряк одновременно вздрогнули от удивления (с каждым часом цены в «Свинье и пледе» все росли и росли). Но насколько это было вызвано жадностью хозяина, возможно, пользовавшегося этим моментом

славы, а насколько — хитростью служанки, заметившей редкую возможность пополнить свой карман, об этом можно было только гадать. «Смышленная девушка, очень смышленная, — мысленно отметила Шарлотта. — Но надо же знать и меру...»

— Благодарю. — Моряк достал из кармана с полдюжины монет, ощупал их подушечкой большого пальца и протянул две из них Нэнси, чем и заслужил ее сияющую улыбку и реверанс. После чего она упорхнула от их столика.

Моряк же склонил голову к плечу и, взглянув на Шарлотту, проговорил:

— Это не золотой соверен, но она вполне довольна. О, мадам, не желаете ли чего-нибудь? Может, позвать ее обратно?

— Спасибо, сэр. Сейчас мне ничего не нужно, — ответила Шарлотта.

На дощатом столе перед ней стояла глиняная кружка с кисловатым элем, и она потягивала этот напиток уже больше часа, хотя жена хозяина постоянного двора начала уже бросать в ее сторону негодующие взгляды. Так что было ясно: скоро ей придется заказать что-нибудь еще, чтобы сохранить за собой место. Возможно — еще одну порцию эля. Или, может быть, миску тушеного мяса.

Вуаль перед лицом Шарлотты качнулась от ее вздоха. Ох, как же сегодня душно! Она бы с радостью сняла вуаль и капор с широким ободом, однако же... Ей не хотелось рисковать. И вообще, может, безопаснее было бы уйти? Или все же остаться?..

— Спасибо за место, — прервал ее раздумья сосед по столику. — Мне, видите ли, пришлось некоторое время

путешествовать, и я очень рад возможности перевести дух. А зовут меня Бенедикт Фрост.

— Из флота ее величества, как я вижу, — заметила Шарлотта. — А вы ведь путешествовали по морю, не так ли?

Шарлотта умела различать воинские звания, и теперь она могла как следует разглядеть своего соседа по столику. Его синий китель с высоким воротом был довольно хорошего качества, но золотые пуговицы и белые канты свидетельствовали о том, что он — всего-навсего лейтенант. Будь это в Лондоне, в ее прежней жизни, она бы обдала его холодным взглядом, отмахнулась бы от него веером и прошла бы мимо. Но сейчас... Сейчас она кое о чем задумалась... Вот эта его трость, например, и странная манера ощупывать монеты — отчего так? Может быть, у него плохое зрение? Если бы она могла откинуть вуаль и посмотреть на него — пристально посмотреть в его глаза, — она бы смогла понять это в одно мгновение. Для него это бы не имело значения, а вот для нее — да. Но, увы, ей приходилось прятать свое лицо...

— За последние две недели я путешествовал и по морю, и по суше, — ответил со вздохом собеседник. — А также по реке. И еще — на колесах и пешком. А если бы имелись еще какие-то способы путешествовать, то я, вероятно, воспользовался бы и ими.

— Может, в седле, на любимом коне? — Шарлотта на мгновение задумалась. — А на страусиной упряжке не пробовали?

— О, вот тут вы меня поймали, — с усмешкой заметил моряк. — Знаете, я начинаю очень сожалеть, что никогда не путешествовал на страусиной упряжке.

Хм... Неудивительно. Ведь она, Шарлотта, только что придумала этот вид транспорта. Соскучившись по такому вот дружескому общению, она спросила:

— Лейтенант, а где именно вы путешествовали?

— Не так давно — по Франции, а потом был в Лондоне. Но я больше не служу во флоте. — На фоне загорелой кожи сверкнула белозубая улыбка. — Однако я все еще имею право носить морскую форму, и дамам, похоже, это нравится.

Какой-то бесенок подстегнул Шарлотту спросить:

— А как насчет мужчин?

— Вероятно, некоторым мужчинам — тоже. Но должен признаться, — Фрост с заговорщическим видом подался вперед, — истинная причина, по которой я ее ношу, состоит в том, что форма всегда в моде, так что мне нет нужды заботиться о сменах фасонов.

— О, вы не только привлекательны, но и практичны...

Моряк прижал руку к груди.

— Мадам, вы мне льстите.

— Нет, я просто повторяю ваши мысли.

— Но вы полагаете, что они верны. Вы признаете не только мою практичность, но и мое влияние на прекрасный пол. — Он снова усмехнулся — и как будто солнце блеснуло.

Ха! Что касается последнего, то Шарлотта действительно питала слабость к сильным мужчинам. А также к мужчинам, которые улыбались ей так, словно она и впрямь была восхитительна. Но, увы, такие солнечные улыбки всегда вызывали у нее желание раскрыться как цветок, что не раз приводило к тому, что ее... срывали.

А Бенедикт Фрост являл собой образец суровой элегантности, и его волосы, черные как сажа, были настолько же кудрявыми, насколько волосы Шарлотты были неисправимо прямыми. Кроме того — волевой подбородок и широкие плечи. И еще низкий приятный голос...

— Но с кем же имею честь?.. Если не секрет, — неожиданно спросил собеседник.

— На этом постоялом дворе никто никого не знает, и нам всем лишь остается верить, что мы те, за кого себя выдаем, — ответила Шарлотта. «Хотя вам-то не стоит верить, что я та, за кого себя выдаю». — Моя фамилия... Смит, — добавила она, чуть смутившись.

Она не могла назвать ему имя, знакомое местным жителям. А ее вымышленное имя — Шарлотта Перл — в Лондоне знали слишком многие, так что и его ей не хотелось называть.

Моряк сделал большой глоток из своей кружки и проговорил:

— Что ж, миссис Смит, рад нашему знакомству. Хотя я не всегда доверяю случайным знакомым, — заявил он все с той же ослепительной улыбкой.

— О, я не думаю, лейтенант Фрост, что положение этого требует, — заметила Шарлотта. — Да и вся эта толпа собралась здесь вовсе не потому, что во что-то верит. Их сюда привела... улика.

— То есть свидетельские показания служанки, — уточнил Фрост. — И, прошу вас, называйте меня просто «мистер», ведь я теперь уже не на службе.

Упоминание о служанке прозвучало на редкость вовремя, поскольку компания гостей, произношение которых выдавало жителей Блумсбери, уговорила ее